

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1993 г. ЖИЖОВ Э.Б.

**К ИСТОКАМ УЧЕНИЯ О РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ.
О КНИГЕ М.Л. МАГНИЦКОГО "КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
К ДЕЛОВОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ДЛЯ ЧИНОВНИКОВ, ВСТУПАЮЩИХ В СЛУЖБУ" (М., 1835)**

В опубликованных за последние десятилетия трудах по русской стилистике, посвященных анализу деловой речи советского времени, отмечается разделение ее на ряд частных разновидностей, так называемых подстилей, например, таких, как законодательный, дипломатический, канцелярский [1, 2]. Что же касается делового отечественного языка предшествующей эпохи, то он, как и дореволюционная литература о нем, не изучены пока основательно, поэтому в современной исторической лингвистике отсутствуют какие-либо конкретные сведения о его внутренней дифференциации.

Между тем стиливое расслоение русской деловой речи дооктябрьской поры (первой трети XIX в.) описал в названной выше книге Михаил Леонтьевич Магницкий (1778—1844 гг.) — видный русский государственный деятель, ближайший помощник М.М. Сперанского в разработке проектов административных реформ (см. [3; 4, с. 1—4]). Достоинство этой малоизвестной работы М.Л. Магницкого¹, представляющей собой библиографическую редкость, заключается также и в том, что в ней он характеризует письмоводческую специфику, речевое своеобразие, особенности составления всех основных жанрово-стилевых разновидностей отечественной деловой прозы своего времени (начального периода развития национального русского литературного языка). На эту сторону содержания книги М.Л. Магницкого обращали внимание отдельные исследователи. "Краткое руководство..." М.Л. Магницкого, подчеркивает, в частности, А.П. Романенко, "... первое в России специальное изложение основ искусства деловой речи" [5], "представляет собой, по существу, расширенный до специального сочинения раздел частной риторики о деловых бумагах" [6, с. 102]. Книга М.Л. Магницкого, указывает в свою очередь Б.Г. Литвак, "...первое по времени сочинение, которое обобщало делопроизводственную практику первой трети XIX в. с точки зрения, близкой к дипломатическому анализу" [7].

Неординарность своей работы М.Л. Магницкий хорошо понимал. "Никто, по его словам, не вздумал написать подобного Руководства прежде" (с. 7)².

¹ Показательно, что книга М.Л. Магницкого даже не упоминается в исследовании Л.К. Граудиной и Г.И. Мисьяевич "Теория и практика русского красноречия" (М., 1989), посвященном истории отечественной науки о культуре речи, характеристике риторик и стилистических руководств XVII—XX вв.

² Попытки (опыты) описания отдельных стилиевых разновидностей русской деловой речи, характеристики языка их жанров были и до выхода в свет книги М.Л. Магницкого, что подтверждается, в частности, работами Амаросия Серебряникова [8] и Якова Толмачева [9]. В своем руководстве М.Л. Магницкий развивает идеи Н.М. Карамзина о стиле деловой прозы, выступает последователем и продолжателем дела М.М. Сперанского в области учения об искусстве деловой речи (см. об этом [6, с. 101—117]).

О причинах, побудивших М.Л. Магницкого к этому, он сообщает следующее: "При чтении, лучших в своем роде книг о Русской Словесности статья о деловом слоге³ всегда казалась мне недовольно в них раскрытою, и сие подало случай обдумать вообще материю о деловом и государственном слоге пристальнее. Долголетняя опытность в службе представила множество мыслей и воспоминаний, которые, приведены будучи в некоторую связь, составили предлагаемый опыт" (с. 9).

Несмотря на название, данное руководству, оно, указывает его автор, "не может почесться сочинением учебным, ибо издается не для учеников, а для чиновников, свободно уже владеющих языком, в том положении, когда Аристотель желает, чтобы они начинали *Риторику забывать*" (с. 9).

Под государственным слогом М.Л. Магницкий понимает "язык актов, от лица Державной власти непосредственно исходящих" (с. 24). К ним он относит царские манифесты, указы, рескрипты и грамоты, именуя эти бумаги в их совокупности словесностью государственной (с. 100).

Деловая словесность, в понимании М.Л. Магницкого, — это "все правительственные бумаги, восходящие к Державной власти от разных ведомств" (с. 100). Язык, в этой документации "употребляемый высшими государственными сословиями и лицами и главнейшими под ними местными начальниками", автор руководства называет деловым слогом (с. 24—25).

Данный и государственный слог М.Л. Магницкий характеризует как язык деловой (служебный) (с. 19, 24), считая их как бы двумя его стилевыми разновидностями — соответственно административно-ведомственной и, так сказать, государственной (с. 27—28).

В стилевую структуру делового языка М.Л. Магницкий не включает слог, называемый им приказной (т.е. архаичный деловой), свойственный, по его мнению, документации канцелярской низовой (присутственных мест), некоторой (узаконенной формы) актовой (типа закладной, верующего письма и т.п.) и обрядовой (в виде указов Правительствующего сената и мест присутственных, манифестов о пополнении и наборе армий и т.д.) (с. 22, 50—52, 104).

"Слог, — пишет М.Л. Магницкий, — всегда несет на себе общую печать своего времени и частные тех отличных умов, кои им владели" (с. 15—16). В истории делового слога (языка) "по времени и вкусу его" автор руководства различает три периода: древний ("от духовной Владимира до правительственных актов царя Алексея Михайловича и царевны Софии"), средний ("со времен государя Петра Великого" и до упразднения коллегий) и новый (с начала учреждения министерств) (с. 14—18). В частности, уточняет М.Л. Магницкий: "При образовании Министерства внутренних дел вместе с изменением коллегиальной формы разных управлений на место приказного слога, почтавшегося дотоле деловым, явился во всех его актах классический деловой и государственный слог" (с. 19).

Возникновение данного слога М.Л. Магницкий связывает с деятельностью кабинета М.М. Сперанского, отводя последнему главную роль в преобразовании делового языка. М.М. Сперанский, отмечает М.Л. Магницкий, "составил эпоху в нашей деловой и государственной словесности" (с. 19), "слог, им введенный, остался в образцах и людях, им образованных в Министерстве внутренних дел, и вошел в другие, особенно же в Министерство финансов, которое вступило на сей путь непосредственно за первым" (с. 20).

По словам М.Л. Магницкого, "главные свойства сего преобразованного служебного слога суть: правильность языка, точность, краткость, благородная

³ Слово "слог" М.Л. Магницкий употребляет в одном из присущих этому термину в XIX в. значений — "речевые особенности (язык) тех или иных жанров письменности". «В этом случае слова "слог" и "стиль" выступали как синонимы» [10].

простота и нужная в разных случаях сила; обогащение его смелым и счастливым переводом многих слов, которые почитались дотоле техническими или чуждыми слогу деловому; порядок систематический в изложении предметов сложных и согласный с правилами общей словесности в самых кратких бумагах; приличный каждому акту тон" (с. 19—20).

В зависимости от тематического содержания документации, обусловленного принадлежностью ее к тем или иным высшим органам государственного управления (Госсовет, Сенат, Комитет министров), слог деловой (административно-ведомственный) как одна из двух разновидностей официального языка дифференцируется М.Л. Магницким соответственно на законодательный, судный и распорядительный (исполнительный) (с. 25).

"Общие свойства законодательного слога, — пишет М.Л. Магницкий, — суть: *определительность, краткость, ясность и благородная простота*; ему равно не приличны и многословные изъяснения, и неудобопонятная сжатость, и высокопарность" (с. 45). К деловым жанрам функционирования этого слова автор руководства относит, в частности, уложения, уставы и положения (с. 46). "Слог сего рода законов, — указывает он, — должен быть повсюду *равен*, т.е. единообразен во всех частях уложения, устава или положения, дабы малейшая смесь высокого с низким или перемена тона повелительного на истолковательный либо убеждающий не нарушили достоинства, закону свойственного" (47).

В состав законодательной документации М.Л. Магницкий включает также инструкции (наставления). "Слог инструкции, по его словам, должен быть сообразен: во-первых, с важностью сословия или лица, коему она дается; во-вторых, с ее предметом или обстоятельством. Смотря по сим условиям, тон наставительный, изъяснения подробные, положительность повеления соразмеряются" (с. 49).

Дополняя и конкретизируя эти свои замечания о слоге инструкций, М.Л. Магницкий к сказанному добавляет: "Оттенки уважения к сословию или доверенности и благоволения к лицу, инструкцию получающему, изъясняются, кроме положительного их изъяснения, тоном ее. Слова: *предписываю, приказываю* заменяются выражениями *поручаю, ожидаю от вас, вы не оставите, мне приятно будет* и прочее. Выражения: *вы имеете, сие имеет быть* и прочее в инструкциях сословиям избегаются как следы языка приказного, а к лицам заменены могут быть повелительными: *объявите, наблюдайте, вы не оставите, сие должно быть* и прочее" (с. 49—50).

Что касается других законодательных жанров, выделяемых М.Л. Магницким, то одни из них (указы Правительствующего сената и мест присутственных) он относит к документации обрядовой, т.е. приказной [устарелой по своему слогу (с. 50—51)], другие (именные указы и манифесты) — к словесности государственной (с. 51). "Слог их, — отмечает М.Л. Магницкий, — при краткости и простоте законодательного должен отличаться от него некоторую степень важности, свойственной такому акту, который как бы *освещает* самый закон в его достоинство и силу" (с. 51).

Слог судный характеризуется М.Л. Магницким главным образом при описании им языковых особенностей документации, представляющей собой ответы и объяснения судящихся или судимых (с. 52). Искусство изложения этих деловых бумаг, пишет М.Л. Магницкий, "состоит... в приличном выборе для каждой статьи защиты или оправдания того тона, который ей свойствен: *скромного и беспристрастного* при указании на злонамеренность и ошибки противника; *холодного* при отстранении его запутанностей и темноты, без малейшего изъяснения подозрений в каком-либо дурном, с его стороны, намерении; *сильного и разительного*, по ясности доводов, при доказательстве нравственных; *пылкого и благородного* при возбуждении в судящих чувства, к успеху дела *нужного*" (с. 53—54).

Слог управлений распорядительных (распорядительный, исполнительный слог) в соответствии с его функционированием в деловых бумагах того или иного министерства (ведомства) делится, в свою очередь, М.Л. Магницким на слог военный ("воинского ведомства") и слог гражданский ("министерств гражданских") — полицейский, финансовый, ученый, дипломатический (с. 56).

"Характер военного слога, — подчеркивает М.Л. Магницкий, — есть благородная простота и краткость. Выделанные и длинные периоды, слова языка высокая в нем неуместны" (с. 61—62).

К жанрам военно-деловой речи он относит воззвания к войскам (перед походом, боем или после них), реляции о сражениях, донесения о действиях армии, военные записки и журналы (с. 57). В воззваниях, считает М.Л. Магницкий, "военачальник, торжественно говорящий к войску, должен употреблять язык *солдатский, но не низкий*" (с. 58). В то же время, предупреждает автор руководства, "слог надутый и даже расцвеченный здесь был бы неуместен; ибо предмет воззвания так высок и торжествен сам собою, что набор слов не только не придаст ему силы и красоты, но ослабит и охладит бы его" (с. 60).

Реляции представляют собой, по мнению М.Л. Магницкого, "сокращенный журнал войны" (с. 64). Поэтому, говоря об их языковых особенностях, он пишет: "Слог реляций столько же разнообразен, как и предметы их. Он некоторым образом *ученый* или дидактический во всем, что относится к военной топографии, стратегии и тактике; *исторический* при повествовании движений и действий; *сильный* и *красивый* при описании сражений, битв, отличных деяний; но красоты его должны употребляться без расточительности, и быть просты и сильны не риторством, но самым существом искусно рассказываемого происшествия и деяний" (с. 65).

В отличие от реляций в донесениях о действиях армии, указывает М.Л. Магницкий, "требуется язык холодный, описательный, без малейшей прикрасы" (с. 67).

Военные записки и журналы М.Л. Магницкий определяет как "военно-ученые летописи", несколько разные по характеру своего содержания (с. 68—69). "По сему и слог сих сочинений, — считает он, — должен быть различен: журнал требует одного порядка и точности изложения, краткости, чуждой всех мелких подробностей и избежания малейших украшений. — Записка, напротив, вмещающая рассуждения политические, виды высшей стратегии и не связываемая техническими выражениями тактики, кроме общих, допускает не только все красоты благороднейшего слога, но и разнообразием своих предметов представляет все к нему средства. Сухость журнала была бы ей пороком" (с. 69).

Под полицейским слогом М.Л. Магницкий понимает язык деловых бумаг (в первую очередь докладных записок, мнений из них и отчетов), принадлежащих Министерству внутренних дел, его департаментам и высшему губернскому начальству (с. 71). Докладная записка, отмечает он, "составляется сколь можно кратко, представляя одно существо дела, в порядке изложенное" (с. 72). Об особенностях составления мнений департамента на представленные в делах докладные М.Л. Магницкий пишет: "В слог сего рода бумаг должно старательно избегать всякого притязания на литературство. Важность делового изложения требует языка чистого, выражающего с точностью и должною определенностью свой предмет, и не терпит ни малейшей затей и прикрас" (с. 75). Что касается отчетов Министерства внутренних дел, то они, по словам автора руководства, "требуют благородной красоты в изложении с простотою и скромностью рассказа" (с. 76).

Финансовый слог М.Л. Магницкий характеризует как язык "смет и отчетов Министерства финансов" (с. 80), как "наш деловой... язык, объемлющий все предметы государственного кредита, чуждый слов чужеземных и до превосходной ловкости достигший во всех самых тонких оттенках финансовых пред-

метов" (с 80-81). Однако, делает оговорку М.Л. Магницкий, "слог сего управления... по части ученой, как-то горной и монетной, остается в положении иностранной примеси языка технического, которую наследовали мы от употребления при учреждении сего управления, еще в царствование царя Алексея Михайловича, от немецких мастеров и производителей рудокопного и монетного дела" (с. 79-80).

Слог ученый - это, в понимании М.Л. Магницкого, язык документов "ученого ведомства", к которым он относит, в частности, отчеты Министерства народного просвещения, уставы и учреждения учебных заведений, наставления и руководства методического характера (с. 82-83).

М.Л. Магницкий считает служебный язык данного ведомства еще недостаточно сложившимся, формирующимся. "Нигде, - указывает он, - так не чувствительна незрелость делового слога, как в ведомстве ученом, где сливаются, так сказать, два языка: гражданский и ученый, не соединяясь между собою и даже часто друг друга портя" (с. 82). Развивая эту свою критическую мысль, М.Л. Магницкий далее пишет: "В бумагах ученого ведомства величайшее неудобство состоит в неловком смешении ученого риторства с некоторым родом ученого подьячества, которым иногда стараются придать себе вид деловых людей те, кои из ученого звания поступают в секретари университетских Советов или в безменные заседатели их правлений. Сей двуличный слог есть верх безвкусья" (с. 85-86).

Критически оценивая язык деловых бумаг ученого ведомства, М.Л. Магницкий дает следующие рекомендации по их составлению: "Уставы и учреждения должны согласовываться с общими правилами о редакции законов и положений...

Наставления и руководства, собственно ученые, напр. о порядке экзаменов, направлении и духе преподавания некоторых наук и пр., должны быть писаны слогом, свойственным учености: но и тут избегать надлежит тона схоластического... В бумагах сего рода нужно также избегать новизн слога... Сии блудящие огни... не должны портить достоинства деловой словесности...

В отчетах Министерства, в периодических изданиях, от него исходящих, и в прочих сего рода сочинениях нужно, чтобы предметы, касающиеся самых высоких частей учености, и даже отвлеченные, были излагаемы не только слогом совершенно понятным для каждого, но приятным и заманчивым" (с. 83-85).

В основу материала о дипломатическом слоге, сообщает М.Л. Магницкий в своем руководстве, он положил соответствующую выписку из сочинения "Avis aux jeunes diplomates etc." писателя А.С. Стурдзэ, давшего на это свое согласие (с. 86)

"Слог дипломатический, - отмечает М.Л. Магницкий, - есть, так сказать, *Разговорный язык госдарства*, принимаемых за лица нравственные" (с. 86). Это обстоятельство обуславливает, по его мнению, такие отличительные черты дипломатического слога, как *"ясность, точность, достоинство и утонченность оборотов"* (с. 87).

Дипломатическую документацию М.Л. Магницкий подразделяет на бумаги, которые "подлежат большей или меньшей гласности" (с одной стороны, трактаты, сделки и договоры, с другой - официальные ноты, кабинетные письма, доверенные записки и т.п.) и которые "остаются тайными" (инструкции, депеши, донесения и т.д.) (с. 87). Данные группы документов, указывает автор руководства, несколько различаются по своему языку: "Независимо от тех свойств слога дипломатического, кои мы наименовали, есть еще между показанными разрядами разница" (с. 89).

Характеризуя речевое своеобразие дипломатических бумаг первой группы, М.Л. Магницкий пишет: "*Трактаты, конвенции* и прочие акты сего рода наполняются выражениями, так сказать, *техническими*, коих употребление как бы освещено дипломатическим преданием (...). В них должна постоянно господ-

ствовать совершенная простота, тесно соединенная с тоном достоинства и некоторою снокойною и важною силой, которая не преувеличивает своих выражений. *Гипербола* не прилична могуществу, коего каждое слово имеет свой положительный вес, гораздо превосходнейший силы оборотов и выражений. Что касается до бумаг менее гласных, как *нота*, *записок* и проч., то в них *тонкость* оборотов должна соединяться с *ясностью*, с достоинством, всегда присущим, хотя и не так чувствительным; с *важностью*, хотя менее строгою, нежели в трактатах, декларациях и манифестах. Все яркие цветы должны быть смягчены счастливым выбором оборотов, тонких и убедительных, кои бы соглашались все уважения, даже и в то время, как невозможно уже победить разномыслия. Словом, нота, записка должна убеждать в каком-либо праве, не разбережая выгод *прямым к ним прикосновением*. Она должна с искусною бережливостью выставлять самые безопасные стороны сомнительного дела; жаловаться с кротостию; указывать ошибки или виновность без презрительства" (с. 89—90).

Отдельно говорит М.Л. Магницкий о своеобразии изложения кабинетных писем. "Надобно, — отмечает он, — чтоб в кабинетном письме было сказано *что-нибудь* о содержащемся в нем деле; ибо без того нарушилось бы приличное ему достоинство; но в то же время надобно, чтоб *ничего* не было сказано *лишнего*, дабы не связать себя обязательством" (с. 92).

Особенности языка тайной дипломатической документации М.Л. Магницкого характеризует применительно к изложению инструкций и депеш. "Инструкции, — пишет он, — требуют большой ясности, достоинства и совершенной определенности в смысле и выражениях, указания вероятностей какого-либо переговора без излишнего ограничения, дабы вместо вразумления уполномоченного не связать его. (...) Все дело, сим актом поручаемое, выражается сими тремя словами: *Quid, quomodo, quatenus* (*что? как? и до какой степени?*)" (с. 93). Деша, в отличие от инструкции, является, по словам М.Л. Магницкого, "менее подчиненною порядку систематическому" (с. 94). В ней, добавляет он к сказанному, "дозволяются некоторые отступления, но под условием, чтоб то не были ни затей самолюбия, ни хитрости" (с. 94).

В завершение характеристики особенностей делового языка дипломатов М.Л. Магницкий указывает: "Государственный человек должен писать так, как он говорит; ибо предполагается, что он говорит, в порядке и известной мере, с благородною красотостию и счастливым выбором выражений. Он должен быть бережлив на приводы, враг хвастливой затейливости, внимателен к последствию идей и осторожен в представлении резких истин с нужным смягчением, чужд *уновлений* (*néologisme*) и всех подобных притязаний самолюбия; он обязан избегать периодов запутанных и слов, введенных в употребление недостатком вкуса и благоразумия" (с. 94).

Акты "Державного лица" (манифесты, указы, рескрипты и грамоты царя) М.Л. Магницкий относит "к высшему роду деловой словесности, т.е. к *государственной*" (с. 28). Главнейшими из них он считает различные царские манифесты (мирные, военные, узаконительные и др.). "Слог сих, — пишет М.Л. Магницкий, — первостепенных актов Державной власти, глаголющей о каком-либо непременно великом предмете во всеуслышание обширнейшей империи, должен быть сообразен с сею важностию *лиц, положения и предмета*. Язык без напыщения и принужденного набора слов, без изысканности, разборчиво красивый, сильный и краткий один приличен актам сего рода" (с. 101).

Что касается особенностей изложения отдельных видов этих "всенародных объявлений", то в военных манифестах, предостерегает М.Л. Магницкий, "надобно избегать всякого страстного тона, упреков, неуместных по их оскорбительности, хотя бы, впрочем, и справедливых" (с. 105). Слог же узаконительных манифестов, отмечает автор руководства, "должен быть повелителен, краток и без всяких украшений; ибо само действие так важно, что не имеет нужды

в искусственном возвеличении; а бесстрашие, закону свойственное, требует простоты и равнодушия" (с. 110).

В царских указах, обращает внимание М.Л. Магницкий, "лишется личное местоимение Я во множественном: Мы, Нашему и проч." (с. 112). Но в целом слог их, утверждает он, "есть совершенно деловой и подлежит всем правилам деловой словесности" (с. 112).

Рескрипты, указывает М.Л. Магницкий, "начинаются... именованьем того, к кому обращены, по имени и отчеству и оканчиваются сими словами: *Пребываю к вам доброжелательный, благосклонный* и проч." (с. 114).

Для их языка характерно, по словам автора руководства, "соединение приличного достоинства, соразмерного с значением или полом лица, к которому рескрипт пишется, с простотою письменного слога" (с. 115). Однако, добавляет к этому М.Л. Магницкий, "рескрипты с замечаниями, выговорами и изъявлением разной степени неудовольствия, кроме содержания своего, отличаются от прочих и самую формую во вступлении, тоне их и особенно в окончании, где, смотря по строгости содержания, важности обстоятельства и значительности лица, более или менее *охлаждается выражение благосклонности*, при окончании бумаг сего рода обыкновенно употребляемое" (с. 116).

Об особенностях составления царских грамот М.Л. Магницкий пишет, что своеобразие изложения одних из них (жалуемых за воинские заслуги) заключается "в особенной форме вступления, с давних времен принятой", другие (подтверждающие дарованные некоторым областям страны преимущества) "имеют форму манифестов или указов Правительствующему сенату", третьи (свидетельствующие о присвоении графского или княжеского титула) "суть не что иное, как высочайшие именные указы" (с. 117--118).

В конце своего руководства М.Л. Магницкий сообщил, что "ежели настоящий Опыт о деловой и государственной словесности будет иметь успех, то вслед за сим выйдет практическая часть его, в которой, по порядку расположения разных статей, прибраны будут те акты, кои могут служить образцовыми, дабы читатель, изучая правило, мог видеть и лучший пример его исполнения" (с. 120). Однако чаяния М.Л. Магницкого не сбылись. Не только книга, но и имя его вскоре оказалось "почти совсем забыто" [4, с. 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Логинава К.А.* Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. С. 17—32.
2. *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 137—147.
3. БСЭ. 3-е изд. Т. 15. М., 1974. С. 200.
4. *Феокистов Е.* Материалы для истории просвещения в России. I. Магницкий. СПб., 1865.
5. *Романенко А.П.* Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 17.
6. *Романенко А.П.* Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
7. *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 206.
8. *Амаросий (Серебренников).* Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Даврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося. М., 1778. С. 30—31, 53—60, 153—160.
9. *Толмачев Я.В.* Военное красноречие, основанное на общих началах словесности, с присовокуплением примеров в разных родах онаго. Ч. 2. СПб., 1825. С. 43—101.
10. *Михайлов М.М.* Стилистика русской речи. Чебоксары, 1968. С. 111.